

Виктор Финкель

НЕБЕСА
НЕБЕС

мои обетованные

Виктор Финкель

«НЕБЕСА НЕБЕС»

мои обетованные

БОСТОН • 2024 • ЧИКАГО

ВИКТОР ФИНКЕЛЬ «Небеса небес» мои обетованные
Научно-фантастические произведения

Редактор Юлия Тимошенко

VIKTOR FINKEL *My Promised Heaven of Heavens*
A Collection of Science Fiction

Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2024 by Viktor Finkel

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-39-5

Published by M•Graphics | Boston, MA

□ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Cover Design by Larisa Studinskaya

Author's photo by Michael Polyakov

Book Design by Bagriy & Company | Chicago, IL

□ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

Содержание

Небесная печать	11
Небесная печать (Продолжение).	39
Небесная печать (Окончание)	85
Я люблю тебя, <i>i</i> (Индикатор)	130
Октопус.	150
Октопус и его собратья	178
Fujita 6 / Фуджита 6	205
Мистер Твистер при исполнении.	229
Десять дней, которые ошеломили Филадельфию	252
Канун	272
Земля Уфберга (Z-пространство).	302
«Небеса небес» мои обетованные	325

Сердечно благодарю

Анну Макарову

Михаила Полякова

Татьяну Полякову

Михаила Финкеля

Инну Швец

Беллу Дрейцин

Леонида Дрейцина

за помощь при подготовке книги

*Светлой памяти моей чудесной,
моей сказочной, моей неповторимой
и незабываемой дочери Танечки —
Татьяны Викторовны Поляковой
посвящается*

*Доченька моя,
Ты многое сделала в этой жизни!
Ты создала прекрасную семью, Ты направила её по
пути Торы, Ты родила четверых детей и все они искрен-
не верующие люди! И на Твоих похоронах зачитывали
письмо рэбая, который знал Тебя и высоко ценил Твои
кристально чистые, Бож-кие устремления.*

Девочка моя, Ты всегда была мудрым человеком высокого интеллектуального полёта, Личностью! Доченька моя, Ты была создана для этого Мира. И Ты так безвременно покинула его...

Красивая, миниатюрная, женственная, с точёным и благородным лицом и, вместе с тем, мужественная, отважная Танечка, с чёрным поясом по каратэ! Чудесная еврейская женщина!

Ты принесла в этот мир море душевной теплоты, бескорыстия, доброты и готовности понять и помочь! И Ты, действительно, помогла многим!

Я люблю Тебя!

Папа

на японском, китайском и хинди. Удивительного в этом ничего не было. Каждый из этой пары свободно, как на родном, владел... сорока основными языками Земли. И это при всём том, что никогда их не учил!

Вот и сейчас он неторопливо просматривал японский журнал, делая закладки листиками из стопочки узких нарезанных полосок, лежащей рядом. Она, тоненькая, но броская, с узким, ярким, контрастным лицом и горящими глазами, слегка вьющимися волосами, чудесными зубами, просматривавшимися в полуоткрытом от напряжения рту, в коротеньком халатике, не скрывавшим яблочек грудок и коленок, свободно сидела на стуле, подвернув под себя ногу. В её руках шевелился и стремительно пролистывался французский журнал. Он работал консультантом-полиглотом в библиотеке Курчатовского института, она — на подобной же должности в Ленинке.

В комнате царил покой, напоённый счастьем. Они не нуждались в лишних словах, чтобы поддерживать сердечный контакт — он существовал между ними постоянно на телепатическом уровне. Но вот взглядами они обменивались часто, и редкий раз он не сопровождался мягкой улыбкой. Славно у них было — душевно-тепло. Они имели одинаковые литературные привязанности, и среди них — испанский поэт Мигель де Унамуно. Чудесные у него были строки:

Взрыв смеха в детской. А у нас — покой.
Накрывшись тёплым пледом, я в гостиной
Читаю Геродота у камина...
Ум эллина являет предо мной

Свои глубины... И хотя пророй
Речь Пифии — тягучая резина,
Но я слежу, как ткётся паутина
Истории... Жена сидит с иглой;
В глазах само спокойствие и счастье.

И, встретив взгляд её, я в спор династий
Вновь ухожу, вникая в тайный смысл
Домашнего тепла неторопливо...
И трудится, как буйвол, молчаливо
Во мне немая, сладостная мысль.

Единственное, чего не хватало в их идиллии и что явно не стыковалось с де Унамуно, это «Взрыв смеха в детской» — детей. Их действительно не было сейчас. Однако в прошлом они имели пять мальчиков и пять девочек. По двое в XV, XVI, XVII, XVIII и XIX веках. Во время своих отпусков и командировок они часто виделись с ними, внуками, правнуками и их поколениями в родном и всегда желанном Тонком Бож-ном Мире, где узнаваемость Душ — незыблема и вечна. На Земле их дети и внуки жили в естественной амнезии, и узнать папу, маму, бабушку и дедушку были не в состоянии.

Кстати, браки, заключённые на Небесах, на Земле не редки, и когда вы видите двух, едва бредущих, но светящихся старичков, держащихся за руки, вполне возможно, что их любовь была тоже скреплена Небесной печатью. Отличие, однако, с нашим случае здесь есть, и немалое. Эти последние счастливы, но живут в состоянии амнезии и понятия не имеют ни о своих предыдущих жизнях, ни о своих предыдущих мужьях и жёнах.

Что касается наших героев, то, не имея ничего общего с амнезией, они жили с открытыми глазами, они знали всю свою прошлую жизнь, всю! Это было прекрасно, но совсем не просто... Во время Лондонской эпидемии чумы в 1654 году он заболел и умер. Она, будучи в полном здравии, немедленно последовала за ним в Тонкий Бож-ный Мир. В 1721 году во время чумы в Марселе скончалась она. И он, не заболев, тем не менее устремился за ней в Тонкий Мир. Правда, надо сказать, что они не только умели покидать свои здоровые тела на Земле и переноситься в Тонкий Мир. Они имели специальное разрешение на это Свыше — своего рода лиценс. Однако лиценс лиценсом, но в основе поступков наших героев лежало незыблемое Духовное единство, всегда и безусловно доминировавшее над единством материальным и, в частности, телесным. Как говорят математики, это была аксиома, изначальный неоспоримый постулат. Это была та самая сказочная, вечная любовь душ, но с периодически меняющимися, изнашивающимися от времени и болезней или разрушенными злыми посторонними силами телесными оболочками.

Жизнь их была насыщена до предела, необычайно, почти сказочно интересна и изобиловала встречами со многими выдающимися учёными. В начале XVI века в замке Кло-Люсе, близ Амбуаза (Турень, Франция), они познакомились с Леонардо да Винчи. В середине XVI века он общался с Джероламо Кардано

в Риме. В самом конце XVI века ему удалось даже побывать в гостях в Падуе у великого Галилея. В следующем, XVII веке во время командировки в Англию он удостоился короткого приёма у величайшего Исаака Ньютона. В XVIII веке он был во Франции, где ознакомился с мощным промышленным производством пороха, которое курировал Лавуазье. Кстати, они оба даже видели казнь великого химика, которая вызывала отвращение в них каждый раз, когда они её вспоминали. В начале следующего XIX века он некоторое время работал лаборантом в лаборатории Гей Люссака в Сорбонне. В конце XIX века и в самом начале следующего XX века они находились в Париже и внимательно отслеживали, сегодня бы сказали online, все перипетии открытия Марией Склодовской-Кюри явления радиоактивности и элементов радия и полония. Наши герои были хорошо осведомлены о работах Эйнштейна, Бора, Планка и Резерфорда. Более того, хотя и шапочно, но они были знакомы с этими учёными и лично.

Их успешная, по мнению Высокого Начальства, работа в Европе была прервана 22 апреля 1915 года, когда немецкая армия расплыла сто шестьдесят восемь тонн хлора около города Ипр. Наш герой в это время находился в прифронтовой полосе за позициями французских войск. Его интересовала назревавшая ситуация с возможностью применения химического оружия. Был у него с собой и противогаз. Неожиданно сильный и быстрый порыв ветра поразил не только солдат во французских окопах, но, перелетев их, накрыл и его облаком хлора. Он, погиб, попросту не успев одеть противогаз. Жена его узнала об этом на следующий день и, не колеблясь, перенеслась вслед за ним в Тонкий Бож-ный Мир.

И пробыли они на своей чудесной и любимой родине до самого 1922 года. Первые два года он лечился — оказалось, что химическое оружие, в отличие от обычных — холодного и огнестрельного, плохо влияет на структуру Души. И понадобились немалые усилия медиков Тонкого Мира для полного его выздоровления. Однако его здоровье и его болезнь послужили стимулом для того, чтобы на государства и общественное мнение Земли было оказано незримое, но мощное воздействие со стороны Тонкого Бож-ного мира для повсеместного запрещения на Земле всех видов этого оружия. К сожалению, использование химоружия продолжается и до наших дней, но связано это уже с действием безответственных и бесчеловечных диктатур и разного рода политических маргиналов, преступников и террористов.

Что касается наших героев, то через два года они приступили к своим достаточно романтическим, но всё же будничным обязанностям. Дело в том, Уважаемый Читатель, что они служили и служат и поныне в мощной Спецслужбе Высших Тонких Божных Слоёв, в её научно-техническом департаменте. Вот откуда у них полное отсутствие блокировки памяти, периодические визиты в Тонкий Мир, вот откуда их жизнь и серьёзная работа на протяжении пяти последних веков. Ясное дело, отсюда же сорок языков и телепатическая связь друг с другом и некоторыми коллегами по работе.

Работа Спецслужбы Высших Тонких Божных Миров и её сотрудников высоко моральна. Эти благородные структуры в принципе не направлены против какого бы то ни было государства. Их задача заключается в отслеживании и анализе ситуации на Земле, температуре её общественного климата, равновесности политической и военной обстановки. Особый интерес для этих служб представляет оружие, способное повредить Человеческим Душам. Душам, принадлежащим не Земле и её государствам, а Гос-ду. Мы уже говорили о химическом оружии, способном нанести ущерб элементам конструкции Божной Души. Способны разрушать Душу и бесчеловечные пытки. Вот против этих аномалий и дикостей и призвана, в частности, бороться Разведка Высших Тонких Божных Миров.

Годы вынужденного пребывания наших героев на Небесах Небес совпали со временем фундаментальных реформ в Разведывательной службе и, в частности, в научно-техническом департаменте. До недавних пор предполагалось, что для подготовки Души разведчика, лазутчика, исследователя, тайного агента, индикатора, называйте как хотите, необходима четырёх-пятикратная их реинкарнация и проживание от рождения до смерти в стране последующей работы. Лишь после этого длительного периода, ориентировочно двести — двести пятьдесят земных лет, агента можно было внедрять, например, в европейские страны.

Однако в 1914 году Роменом Ролланом была написана, а в 1918 году издана книга «Кола Брюньон». Оказалось, что это подлинный кладёзь, настоящая энциклопедия рафинированной человеческой мудрости. Она содержит огромный жизненный опыт. Её прочтение и усвоение были равноценны пяти реинкарнациям! Более того, эта удивительная книга содержала технику

незыблемой внутренней прочности, устойчивости, самосохранения и выживания в ревнивом, недружественном, а то и во враждебном окружении. Поэтому в разведшколе была проведена так называемая «операция КБ», т. е. «операция Кола Брюньона». Начиналась эта операция с цитирования предисловия к книге великого писателя Ромена Роллана: «Я не смею думать, чтобы в обществе моего Кола Брюньона читателям было так же весело, как автору. Во всяком случае, пусть они примут эту книгу такой, как она есть, прямой и откровенной, без всяких притязаний на то, чтобы преобразовать мир или объяснить его, без всякой политики, без всякой метафизики, книгой «на добрый французский лад», которая смеётся над жизнью, потому что находит в ней вкус и сама здорова. ...» Тут же сообщалось слушателям и второе, символическое и жизненно важное для будущих разведчиков название книги: «Жив Курилка»!

Для всех вновь поступивших (как у нас говорят, абитуриентов), как и для всех, проходящих переаттестацию, предполагалось тщательнейшее изучение текста книги и внедрение его целыми блоками в память разведчиков. Вводились практические занятия по привязке конкретных высказываний, афоризмов и максим Кола Брюньона к реальным жизненным обстоятельствам. Особое внимание уделялось методам Брюньона в проявлении стойкости и несгибаемости, камуфлированными гибкостью и мягкостью. Отдельные семинары проводились по отношению Брюньона к государственным структурам, власть предержащим и женщинам, по его юмору, самоиронии, самонасмешливости и тарированному цинизму. Его шарм и обаяние в общении являлись предметом своего рода лабораторных работ.

Наши герои как раз и попали на переподготовку и стажировку в разведшколе по этой, прямо скажем, прогрессивной и перспективной программе — «Операция КБ». С тех пор эта великая книга Ромена Роллана стала в их жизни настольной. Мало того, она оказала безусловное влияние и на выбор ими своих новых имён. Ну да об этом попозже...

Дело в том, что обстановка в мировой физике, с момента открытия Эйнштейном частного принципа теории относительности в 1905 году и, особенно, в самое последнее время, стремительно менялась. Как Читатель, конечно, уже понял, наши герои были ни кем иным, как физиками. Высококвалифицированными физиками — вспомните хотя бы круг их знакомств в прошедшие

века. И занимались они в научно-техническом Департаменте Спецслужбы Высших Тонких Бож-ных Слоёв проблемами развития физики в передовых европейских странах направлениями движения этой науки... Степенью их безопасности для развития человечества и для сохранения здоровыми человеческих Душ! Так вот, именно в эти годы, не без помощи наших героев, научно-технический Департамент Тонких Миров чётко отследил, просчитал и однозначно определил главную новацию и главный вектор европейской физики — грядёт подлинная революция в ядерной физике. Не за горами и создание атомного оружия... Ну а уж когда об атомной бомбе заговорили поэты:

Мир — рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощённой гекатомбой...

Андрей Белый, «Первое свидание» (1921)

стало с очевидностью ясно: мир Земли необратимо меняется, начинается новая и трагически опасная эра. Трагически опасная для самого существования Земли.

Поэтому Разведка Высших Тонких Бож-ных Миров и её научно-технический Департамент перебросили на направление ядерной физики значительные силы, распределённые по всем странам, где уже велись или могли вестись в будущем исследования в этом направлении. Так наши герои и оказались в России. Теперь у них было два начальства: основное — Разведка Высших Тонких Бож-ных Миров и её научно-технический Департамент, и Российский Департамент Высших Тонких Бож-ных Миров.

На протяжении своей жизни они работали в различных городах страны, как правило, на теневых, совершенно незаметных, в обязательном порядке не престижных, неприметно-обочинных должностях, но сейчас, в хрущёвские времена, они, как мы уже говорили, жили в Москве. В их анкетах, паспортах, метриках и прочих документах значились ординарные и мало интересные для нас имена и фамилии. Однако друг к другу они обращались совсем по-иному. Их имена, согласованные с начальством, были простыми: он — Колá, она — Ласочка, Ласонька или Ласька! Сказалась «Операция КБ» и то, что в разведшколе они были первыми на этом курсе и в порядке поступления, и по успеваемости.

Завтра им предстоял серьёзный день, и сегодня они решили расслабиться и отдохнуть. Лучшим для этого была умственная тренировка на бесконечных полях мудрости Колы Брюньона. Начала, как и обычно, она:

— Как прогнозировал Брюньон будущие времена на четыреста лет вперёд?

Ответ был незамедлительным, хотя и содержал некоторые, по мнению Колá, малозначащие купюры:

— «Не бывает мрачных времён, бывают только мрачные люди. Я, слава тебе господи, не из их числа. Друг друга грабят? Друг друга режут? Всегда будет так. Даю руку на отсечение, что через четыреста лет наши правнуки будут с таким же остервенением драть друг с друга шкуру и грызть друг другу носы. Я не говорю, что они не изобретут сорок новых способов делать это лучше нашего... Почём знать, что они будут выделявать, эти мошенники, через четыреста лет? Быть может..., они смогут посещать области Луны, кузницу перунов и запруды дождей, селиться в небесах, бражничать с богами... Что ж, я отправлюсь туда вместе с ними».

— Были ли у Брюньона враги?

— «Дудки! У меня врагов нет. Все люди мне друзья. Если они дерутся, это их добрая воля. Что до меня, то я выхожу из игры... Да, кабы можно было! В том-то и дело, что они не дают, мерзавцы. Если кому-либо из них я не стану врагом, то врагами мне станут и те, и другие. Так ладно же, раз, посреди двух станом, я буду вечно бит, начнём бить и мы! Я готов. Чем подставлять бока, бока, бока, дадим-ка лучше сами тумака».

— Приведи пример ехидства Брюньона.

— Пожалуйста: «Адам, наш отец (говорят, он был и вашим отцом...)

— Считал ли Брюньон себя грешником или добродетельным?

— Он говорил так: «я, грешный, сознаюсь, что семи тощим добродетелям предпочитаю упитанный грешок...»

— Задаю тебе материаловедческий вопрос: что говорил Брюньон о взаимодействии водки и стали?

— Дословно следующее: «маленькая, бледненькая чернушка, чьи жёсткие зрачки готовы были меня съесть живьём и сверкали, словно две капли водки, гложущей сталь».

— Ну и последнее. Что думал Брюньон о власти рабов?

— «Когда нет господина, познаешь челядина».

— Прекрасно, но я всё же дополню тебя: «Мы вечно жалуемся на сильных. Но, друг мой, если бы слабые стали королями, было бы ещё гораздо хуже».

— Отлично, ставлю тебе пятёрку!

— Так, — сказал Кола, — и начал хищно потирать руки в предвкушении грядущего наслаждения: — А скажи-ка мне, дорогая Ласька, как относился Брюньон к аристократам?

Ответ последовал тотчас:

— «Но кто мне объяснит, для чего заведены на земле все эти скоты, эти хари-стократы, эти политики, эти феодалы, нашей Франции объедалы, которые, воспевая ей хвалу, грабят её на каждом углу и, покусывая наше серебро, приглядывают и соседское добро, покушаются на Германию, зарятся на Италию и в гинекей к Великому Турку нос суют, готовы поглотить половину всей земли, а сами и капуста на ней посадить не умеют!»

— Чудесно! А где, по мнению Брюньона, должен садиться мудрец?

— «Мудрец садится посередине... почему нередко садится на-земь».

— Прекрасно. А что думал Брюньон о мерлихлюндии?

— «Мы ли едим, нас ли едят, на всё надо иметь весёлый взгляд. У нас в Бургундии не знают мерлихлюндии».

— А как относился Брюньон к терпению?

— «Терпи, пока ты наковальня. Бей, когда будешь молотом...»

— Дорогая моя жена, ты, как всегда, на высочайшем уровне!

— Ну, ладно, — сказала она, — пора отдыхать.

На этом, скажем так, официальное представление закончилось, и они перешли на общение на телепатическом уровне. И для начала он произнёс:

— Тогда давай-ка, в унисон, главную для нас фразу Брюньона, — он поднял карандаш, взмахнул им, и они, как один человек, слово за словом, тихо, но чётко, произнесли: — «У великих мира уши великие; чего доброго, вот-вот — и просунется кончик в дверь!»

А дело в том, что обстановка в мире, с точки зрения Высших Бож-ных Слоёв, была плохой. Все войны несут беду человеку. Все! Но всё же ни холодное оружие, ни огнестрельное человеческие Души не уничтожают. Иное дело — атомные взрывы. В центре взрыва атомной бомбы температура поднимается до 10^8 К, точнее, до 50 миллионов градусов, а давление — до 10^{12} атм. Веще-

ство превращается в разлетающуюся плазму. Это способно привести к уничтожению Души. Общее количество погибших в Хиросиме и Нагасаки составило от девяноста до та шестидесяти шести тысяч человек. Именно такое количество Человеческих Душ было уничтожено. Вот почему применение ядерного и водородного оружия было однозначно и категорически осуждено на Небесах и, как следствие, осуждается повсеместно и на Земле.

В отношении Колá и Ласочки это звучало так: они должны были информировать Спецслужбы Высшего Тонкого мира обо всех возможных случаях использования атомного оружия против людей. Будь то осознанно или не преднамеренно. Между тем, сегодня было 13 сентября 1954 года, а 14 сентября, то есть завтра, в Оренбургской области должны были состояться Тоцкие учения с применением ядерного оружия. И Колá должен был быть в приемлемой близости и оценить ситуацию.

В пять часов они проснулись, и Колá подытожил ситуацию. Расстояние Тоцкое — Москва по трассе составляет 1274 км, а по прямой — 1047 км. Собственно, полигон расположен на правом берегу реки Самара в ста восьмидесяти километрах северо-западнее Оренбурга и в пяти километрах к северо-востоку от районного центра — села Тоцкое. Решение было принято простое: перебросить себя, то есть свою Душу, в заданную точку на расстояние сорока километров от полигона, а дальше добираться самому, как говорят, «своим ходом», ясное дело, не пешком...

Колá оделся по-ночному, в тёплую пижаму, и улёгся на своё место на их большой двуспальной постели. Она накрыла его пледом, поцеловала и села в кресло, стоявшее с его стороны. Это и будет её место на протяжении всего дня. На все возможные вопросы будет один ответ: «муж проработал всю ночь и сейчас отдыхает». Колá закрыл глаза и произвёл закодированные и вмонтированные в его мозг команды. Специальное конформное преобразование выделило его Душу из материального тела и, в мгновение ока, перебросило её в заданную точку Оренбургской области¹.

Оказавшись в нужной точке, он в двадцать минут пересёк полигон, сориентировался и застыл на расстоянии в тридцать километров на высоте в сто метров. Взрыв атомной бомбы, а ста-

¹ См. Финкель В., «Небеса небес мои обетованные». — «Зарубежные задворки». — 31 июля, 2017.

ло быть, и начало манёвров, произошёл в 9 часов 33 минуты по московскому времени.

То, что он увидел и в ближайшую же ночь передал в Разведцентр Высших Сфер, впервые увидело свет в Российской прессе лишь в эпоху гласности, спустя не менее чем тридцать шесть лет:

«Тоцкие учения — советские войсковые тактические учения с применением ядерного оружия (кодовое название — «Снежок»); подготовлены и проведены под руководством маршала Г. К. Жукова 14 сентября 1954 года на Тоцком полигоне в Оренбургской области. Общее количество военнослужащих, участвовавших в учении, достигало 45 тысяч человек. Задача учений заключалась в отработке возможностей прорыва обороны противника с использованием ядерного оружия. Тоцкий полигон был выбран в связи с тем, что рельеф местности там напоминает типичный рельеф Западной Европы — как считалось, наиболее вероятного места начала Третьей мировой войны»¹.

«Кроме 45 тысяч военнослужащих, в тех ядерных учениях было задействовано 320 самолётов, 600 танков и самоходно-артиллерийских установок, 500 орудий и миномётов, 600 бронетранспортёров, 6 тысяч тягачей и автомобилей. В них приняло участие командование всех родов войск и флота, всех групп, военных округов»².

«Учения были подготовлены и проведены под руководством маршала Жукова, однако Жуков присутствовал только на „репетиции“ учений, во время самих учений он на полигоне не присутствовал.

В ходе учений бомбардировщик Ту-4 сбросил с высоты 8000 м ядерную бомбу РДС-2 мощностью 38 килотонн в тротиловом эквиваленте, в 9 часов 34 минуты был осуществлён воздушный взрыв на высоте 350 метров в точке с координатами 52°38' 40.99"N 52°48' 16.05"E. После некоторого периода выжидания и дозиметрического контроля (примерно через три часа после взрыва) были подорваны два имитатора ядерных зарядов, и Жуков направил 600 танков, 600 БТРов и 320 самолётов в атаку на заражённую территорию.

¹ Википедия: Тоцкие войсковые учения.

² http://cripo.info/index.php?sect_id=5&aid=181206.

Общее число военнослужащих, принявших участие в учениях, составило около 45 тысяч человек (по другим сведениям, 45 тысяч составили только силы „нападавшей“ стороны, к которым следует добавить ещё 15 тысяч с „обороняющейся“ стороны). Задачей „наступающей“ стороны было воспользоваться образовавшейся после взрыва брешью в обороне; задачей „обороняющихся“ — ликвидировать эту брешь. По разным данным, спустя один-три часа в район эпицентра взрыва были направлены военнослужащие»¹.

«По некоторым неофициальным данным десятилетней давности (более свежие разыскать так и не удалось), из 45 тысяч военных участников учений почти две трети скончались в течение нескольких лет после взрыва, а живых оставалось чуть более 2 тысяч. Половина из них были признаны инвалидами первой и второй группы. Кроме различных болезней, почти у 5% — рак и проблемы с кровью.

Однако, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, — после катастрофы на Чернобыльской АЭС пострадавшие при тоцких войсковых учениях были приравнены к ядерным жертвам и стали получать льготы и компенсации. Впрочем, как писал в своих воспоминаниях председатель Комитета ветеранов подразделений особого риска Владимир Бенцианов (умер в январе с. г.), убедить провластных бюрократов в участии в сверхсекретном эксперименте, где на алтарь ядерного щита Отечества было положено здоровье десятков тысяч людей, удалось далеко не всем. И многие — по сути, герои поневоле — умерли, так и не дождавшись помощи от государства. Что касается мирного гражданского населения, то селянам повезло ещё меньше. До сих пор доказать они ничего практически не могут, хотя под облучение попали, по оценкам экспертов, не менее 10 тысяч мирных жителей. Архивы Тоцкой районной больницы с 1954 по 1980 годы цинично уничтожены»².

Было восемь вечера по московскому времени, когда Колá открыл глаза. Она, по-прежнему сидевшая рядом, заметила это сразу:

¹ Википедия: Тоцкий полигон.

² http://cripo.info/index.php?sect_id=5&aid=181206.

— Ты здесь, сына, родной мой! Наконец! — она поцеловала его поочередно в оба глаза и замолчала, пока он пятнадцать минут телепатически рассказывал ей о произошедшем. Тренаж в разведшколе был настолько серьёзен, что даже сейчас они оба не могли не вспомнить Брюньона: «На некоторое время мы приумолкли, беседа лишь *in petto*¹».

Люди они были эмоциональные, способные на сочувствие и сопереживание, и то необратимое и непоправимое, что произошло на Тоцком полигоне потрясло их. И три дня в квартире царил почти траурное молчание в звуковом диапазоне. Им было трудно говорить... На четвёртый день он промолвил *in petto*:

— Ты, конечно, помнишь «Но время в конце концов перевозит нас через реку, и бремя наших горестей остаётся на том берегу».

И она продолжила в том же *in petto*:

— «О, день, о, новый день!.. Научи меня, мой дроздок, твоему дару возрождаться с каждой новой зарёй, полным веры живой!..»

Теперь, когда дань возможным жучкам была отдана, он широко улыбнулся и сказал:

— Мы так давно с тобой не пересмеивались... А давай-ка, Ласька, улыбнёмся и побахвалимся друг перед другом, а?

— Давай! Начинай ты...

Колá подбоченился, гордо поднял свою голову, слегка откинул её назад и пафосно произнёс:

— А знаешь ли ты, Ласька, что твоего мужа Великий Данте упомянул в своей Божественной Комедии? И в каком бы, ты думала, разделе? В Раю! Да-да, в Раю!

— Хвастунишка! Мой дорогой хвастунишка! Я, конечно, знаю, что ты имеешь в виду. Речь идёт о Песне восемнадцатой. Но фокус в том, что ты лукавишь, потому что выглядит этот фрагмент так:

На имя Маккавея проплыла
Другая, как бы коло огневое, —
Бичом восторга взвита Юла.

Для тебя это огорчительно, но в этих строчках нет Колá, там есть «кóло», правда, огневое, но всего лишь «кóло»!

— Какая досада, — сокрушённо промолвил он и добавил *in petto*: — А ведь я с ним был знаком... Это были первые годы

¹ Про себя (*итал.*).

XIV века, ещё до тебя... Не близко, но знаком... Это было, так сказать, неравноправное знакомство. Я много знал о нём, а он — почти ничего — обо мне. Он, как выдающийся энциклопедист, оказался в круге наших интересов, и всё происходило по законам нашей вечной Службы... И всё же, как это неблагородно с его стороны, не упомянуть меня! — ухмыльнулся он и продолжил уже вслух: — Ну, что поделаешь, а я так хотел прославиться... Ну да ладно... Теперь твоя очередь...

— Ты живёшь с замечательной женщиной, и тебе следует знать, что в серьёзных научных источниках пишут обо мне. Ты знаешь мою фантастическую память. Поэтому поверишь в строчки, которые я тебе процитирую: «Люди с именем Ласка отличаются смелостью и независимостью. В детстве это проявляется в виде выраженного своеволия и чрезмерной даже для ребёнка любознательности. С возрастом такой человек приобретает качества, позволяющие ему занимать лидирующие позиции в коллективе: решительность, ответственность, находчивость, быстрота реакции. Он редко нуждается в поддержке, но и сам оказывает её лишь тем, в ком видит реальный потенциал. Ласка очень ловка и проворна, быстро бегают, хорошо лазают и плавают, отличается большой смелостью и агрессивностью и является опасным врагом для всех мелких животных. В местах, где её не преследуют, ласка охотится и днём, и ночью. Ласка иногда успешно отбивается даже от сравнительно крупных хищных птиц (например коршунов)»¹.

— Моя ненаглядная Ласочка, всё это правда, безусловная правда. Но есть одна маленькая деталь. Когда клянутся в суде говорить правду, то добавляют: «всю правду». Но ты, правильно излагая материалы первоисточника, лукаво опустила одну весьма небезынтересную подробность. Вот она: «Иногда ласка, которая любит конский пот, нападает на лошадей в конюшне: она щекочет лошадей, доводя их до изнеможения, так что они покрываются пеной, а гривы и хвосты спутываются в колтуны. Чтобы избавить лошадей от этой напасти, прибегают к проверенной хитрости конюхов: в конюшне держат козла, запах которого ласке не нравится».

Она прикусила губку и ухмыльнулась:

— Ну уж и прихвастнуть нельзя. Впрочем, — парировала она, — запахи далеко не всех козлов мне не нравятся!

¹ <https://www.svoboda.org/a/1843257.html>.

Операция во время тощих атомных учений была не единственной, в которых они участвовали. Советский Союз оказывал огромную помощь Китаю в создании атомного оружия. Всего за 1950–60-е годы их, включая непосредственных разработчиков ядерного оружия, побывало в Китае около 10 тысяч человек — советских атомщиков. С их помощью была выбрана площадка полигона для ядерных испытаний — Лоб Нор. Они же помогли построить и в конце сентября запустить первый китайский экспериментальный ядерный реактор и циклотрон. Кроме того, около 11 тысяч китайских специалистов и 1000 учёных прошли подготовку и обучение в СССР. Но когда *китайское руководство попросило прислать образцы атомных бомб, у Хрущёва затряслись поджилки*¹.

Он длительное время колебался. Он был убеждён, что китайцы сбросят её на Тайвань, и начнётся мировая война. Между тем атомная бомба была уже погружена на платформу и, окружённая охраной, ожидала на железнодорожной сортировке приказа, чтобы подцепить её к экспрессу Москва — Пекин. Обстановка была напряжённой, и Колá, а точнее его Душа, дважды присутствовала на полных неопределённости заседаниях Политбюро в Кремле. Наконец, Колá решил обратиться к учёным-ядерщикам из узкого круга создателей атомной бомбы. Он выбрал крупного физика, академика из руководства АН СССР, залетел к нему в кабинет в президиуме Академии Наук и провёл мощный экстрасенсорный сеанс, сводившийся к одному: «Бомба должна остаться в СССР. Передавать её Китаю жизненно опасно для СССР». Все советские ядерщики думали именно так, но решиться протестовать не могли. Внушение Колá академик, человек исключительно тонкий и умный, своими чувствительными мозговыми антеннами, безусловно, почувствовал, тотчас же позвонил референту Хрущёва и добился визита у последнего через два часа! Взъерошенному академику удалось убедить Хрущёва и получить право самому снять атомную бомбу «с колёс». Ещё через два часа он лично убедился, что бомбу вернули на постоянную базу хранения.

Был и ещё один подобный случай. Во время победоносной шестидневной войны Израиля с арабскими странами произошло событие, способное привести к мировой термоядерной войне. СССР, поддерживавший арабов и вооружением, и инструкто-

¹ <https://www.svoboda.org/a/1843257.html>.

рами, и дипломатией, счёл поражение своих подопечных своим собственным и унижительным поражением. Поэтому он решил покарать еврейское государство.

«Советская атомная подлодка ПЛАРК «К-131» с восемью крылатыми ракетами в полночь с 5 на 6 июня получила приказ достичь побережья Израиля и быть готовой нанести удар по береговым целям. Атомная подлодка «К-52» в ночь с 5 на 6 июня прибыла в район Тель-Авива, где и находилась до конца войны. В разгар событий получили шифровку за подписью Главкома ВМФ: «Быть готовыми к использованию спецоружия». Спецоружие — это ядерные торпеды.

По воспоминаниям адмирала Геннадия Захарова, он, в то время (1967) командир группы МРП Черноморского флота, находился на советской подлодке вблизи берега Израиля: «Задание было — раздолбать израильские нефтетерминалы и хранилища»¹.

Разведка Высших Тонких Божьих Миров была в курсе дела, и Колá получил задание срочно встретиться с Главкомандующим ВМФ СССР и провести с ним сеанс внушения. На следующий же день Колá, а точнее его Душа, находилась в кабинете адмирала Горшкова в Министерстве обороны СССР во время какого-то заседания. Колá подождал его завершения и, когда все вышли, «взялся» за адмирала. Реакция людей на мощное экстрасенсорное внушение совершенно различна. В данном случае всё происходило вот как. Давление на его сознание адмирал почувствовал сразу. И вначале попытался ему противодействовать. Как истинно военный человек, он сделал это так: он встал с кресла, выпрямился, надел фуражку с крабом и застыл, как будто борясь с мыслью, которая ему внушалась. А мысль эта была простой: «Атаковать Израиль ядерной торпедой нельзя — неизбежна мировая война. Забудьте об этом! Забудьте об этом вообще! Забудьте так, как будто этой подводной лодки «К-131» нет и никогда не было!». В позе «смирно» адмирал простоял с минуту, а затем... затем он вдруг широко улыбнулся, снял фуражку, положил её на край стола и облегчённо опустил в кресло... И Колá понял: внушение дошло, мало того, оно совпало со скрываемым собственным мнением адмирала — бомбить маленькое, не нападавшее на СССР государство, — глупость и преступление, и делать его он не собирается.

¹ <https://shaon.livejournal.com/278357.html>.

Виктор Финкель (1930 г. р.) живёт в Филадельфии, США. Опубликовал книги: «Поэты рубежа», «Дикинсон и Цветаева — общность поэтических душ», «Пятьдесят первая командировка», «Водопад смерти», «Любовь и сталь», «Любовь и сталь» (второе дополненное издание), «Орнамент физической лекции», «Портрет трещины» (на русском, английском, венгерском), «Мосты между американской и русской поэзиями», «Штрихи к портрету трещины», «Я люблю тебя, I», «Десант». Публикации в *The Emily Dickinson Journal*, *Russian Language Journal*, «Новое русское слово», «Слово/Word», «Шалом», «Заметки по еврейской истории», «7 искусств», «Кругозор», «Гостиная», «Мы здесь», «Литературный европеец», «Мосты», «Мастерская», «Зарубежные задворки», «Еврейская жизнь/община», «Навигатор», «Филадельфия», «Посредник», «Новый Континент», «Чайка». Выступил с десятью докладами по вопросам литературоведения на всеамериканских конференциях AATSEEL (*American Association of Teachers of Slavic and East European Languages*), в том числе о творчестве Дикинсон, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака. Одним из результатов исследований явилось обнаружение связи между поэзией Эмили Дикинсон, с одной стороны, и поэзиями Анны Ахматовой и Марины Цветаевой — с другой.

ISBN 978-1-960533-39-5

9 781960 533395